РЕЦЕНЗИИ

Седельник, В.Д. Дадаизм и дадаисты / В.Д. Седельник. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 552 с.

С последней трети XX века авангардизм приобрел статус одного из приоритетных направлений в исследованиях различных гуманитарных дисциплин – культурологии, искусствознания, литературоведения. Количество издаваемых по всему миру антологий, каталогов, альбомов, публикующих авангардистские произведения, научных монографий, рассматривающих тематику, проблематику, стилистику, поэтику экспрессионизма, кубизма, футуризма, дадаизма, сюрреализма, едва обозримо. В подобной ситуации эвристическую ценность работе придает лишь собственный подход к теме, эффективная методология исследования, например такая, что представлена в книге В.Д. Седельника «Дадаизм и дадаисты».

Исходная методологическая посылка исследования состоит в различении понятий «дада» и «дадаизм». Задаваясь во введении вслед за одним из дадаистов, Раулем Хаусманом, вопросом «дада больше, чем дада?», автор подчеркивает, что спор идет не о словах, а о сущностях, более того, о точном определении объекта исследования. С точки зрения В.Д. Седельника, дада – метафизическое явление (подобное толкование предлагали и сами дадаисты), энергия бунтарства, которая проявляется в различные периоды истории в различных ипостасях. Дадаизм же – конкретное художественное движение с точными хронологическими рамками 1916 – 1923 годов. Лучше всего понять эффективность принятого различения можно в сравнении с трудом, в котором оно отсутствует, скажем, в книге Мишеля Сануйе «Дада в Париже» [1]. Эта фундаментальная работа, одна из немногих доступных для русскоязычного читателя из сонма написанного о дадаизме в мире, претендует на исторический взгляд на один из этапов в развитии движения. Однако этот взгляд оказывается нечетким, размытым, даже несмотря на введенные впервые в научный обиход архивные документы, из-за стремления обнаружить дух дада и вслед за этим отнести к дадаизму самые ранние художественные опыты Франсиса Пикабиа, Марселя Дюшана, Мэн Рея и прочих. В таком случае, дадаизм выходит за конкретные границы и становится чем-то вроде абстрактного «реализма без берегов», к которому можно отнести все, что удовлетворяет чрезвычайно обобщенным художественным критериям.

Предыстория дадаизма для В.Д. Седельника является отдельной темой, не выпадающей из общего контекста. Основную часть книги открывает глава «Генеалогия». Здесь обнаруживаются мировоззренческие истоки и литературно-художественные источники движения как современные ему, так и предшествующие. Раскрывая сложную природу дадаизма, В.Д. Седельник обнаруживает переплетение очень далеких друг от друга доктрин:

- христианской мистики с ее особым пониманием Слова (это важная составляющая идей центрального персонажа книги Хуго Балля);
- философии жизни Ф. Ницше;
- психоаналитических концепций З. Фрейда и О. Гросса;
- русского анархизма, отчасти коммунизма (тут уместно в который раз вспомнить о соседстве в Цюрихе «Кабаре Вольтер» и квартиры Ленина, а также о членстве, пусть и недолгом, Тристана Тцара и некоторых берлинских дадаистов в коммунистической партии).

Литературная предыстория также чрезвычайно многообразна. Фактически, ничего из новшеств дадаизма, ни звуковая поэзия, ни симультанные или спонтанные тексты, целиком оригинальным не является, а обнаруживается в экспериментах других художников начала века. Тем нужнее завершающее главу выявление общего и частного в теории и художественной практике дадаизма и предшествующих ему декаданса, натурализма, импрессионизма, символизма, абстракционизма, кубизма, футуризма, экспрессионизма.

Логическим связующим звеном и необходимым началом для главы об истории дадаистского движения становится предыстория, берущая начало в двух странах, где, по справедливому замечанию автора, «положено… зарождаться новому в сфере духовной и художественной жизни – во Франции и России» [2, с. 52 – 53]. Помимо подробного рассказа об основных этапах дадаистского «приключения» – рождения в Цюрихе, становления в Берлине, Кельне, Ганновере, постепенного угасания в Париже – в главе проводятся любопытнейшие типологические параллели с русским авангардизмом начала XX столетия. Соотношение радикальных авангардистских течений в России и на Западе может быть только сравнительным, поскольку, как отмечали сами русские художники в 1920-е годы, «вести о дадаизме дошли до России поздно». Это, однако, нисколько не помешало В. Кандинскому найти те же оригиналь-

ные формы художественного выражения, что стали практиковать несколько позднее дадаисты, и более того, оказать весьма существенное, а главное, непосредственное влияние на Хуго Балля. Также любопытные наблюдения в контексте дадаистских экспериментов В.Д. Седельник делает над поэтическими опытами А. Крученых, В. Хлебникова, упоминает об участии русских художников Е. Голышева, С. Шаршуна, И. Зданевича, Эль Лисицкого в творческих инициативах дадаистов.

Кстати, о Хуго Балле. Как уже было сказано, этот немецкий писатель представлен в книге как центральная фигура дадаизма. Лишь его «профиль» (так называется глава 5 – «Профили», в которую входит краткий рассказ о жизни и творчестве девяти «капитанов дада») вместе с помещенными в приложении фрагментами из дневника «Бегство из времени» был пробно опубликован до выхода монографии в свет [3]. В представлении В.Д. Седельника Хуго Балль оказывается не только основателем дадаизма, но и мыслителем, полнее прочих участников движения прочувствовавшим и понявшим сущность духа дада, прошедшим неизбежный путь, подобно А. Рембо, от отрицания норм и канонов в поэзии ради установления принципиально новой поэтики к полному отказу от творчества, осознанию бессмысленности бунта. С этой точки зрения совершенно иным, вполне дадаистским, видится отход Х. Балля от движения, который М. Сануйе назвал «изменой» [1, с. 19].

Для В.Д. Седельника фигура Х. Балля гораздо значительнее фигуры Тристана Тцара, который во многих работах представлен как единственный и неоспоримый духовный и творческий лидер дадаизма. Т. Тцара, по мнению В.Д. Седельника, видел в дадаизме по преимуществу игру двусмысленности и эпатаж, безудержная страсть к которому во многом ограничивала творческий потенциал движения. Эта личностная особенность Т. Тцара иногда становится в книге предметом тончайшей иронии. Примером может служить следующее суждение по поводу рецепта дадаистского стихотворения от Т. Тцара – газета, ножницы, бумага: «Рекомендации, подобные этой, свидетельствовали не только о личном развитии Тцара…» [2, с. 183]. Иную, более целостную и последовательную эстетическую линию проводил Х. Балль, для которого главным было найти в бессмысленном лепете сакральный смысл, совершить неожиданное метафизическое открытие в слове.

Именно концепция Х. Балля находится в основе постулирования теории дадаизма, которой посвящена глава 3. Но ею эта теория не исчерпывается и даже не всегда с ней совпадает. Подробно анализируя полемику Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса по поводу соотношения модернизма (и авангардизма как его составляющей) и постмодернизма, В.Д. Седельник приходит к выводу о принципиальной «неуловимости» дадаизма для теоретического осмысления по нескольким взаимосвязанным причинам:

- во-первых, принципиальная незавершенность, устремленность дадаизма в будущее, зависящая от специфического духа дада, который был чутко уловлен одним из первых участников движения Марселем Янко: «Дада жив и будет жить до тех пор, пока дух отрицания не перестанет включать в себя фермент будущего» [2, с. 396];

- во-вторых, его игровая природа, самоотрицание, включение своих творческих принципов в неожиданные ассоциативные связи;

- в-третьих, свободное отношение к чуждому, которое варьируется в диапазоне от заигрывания до уничижения.

Если и возможно какое-то концептуальное определение дадаизма, то автор книги находит его, устанавливая родственные отношения между духом дада и состоянием постмодерна: «Куда более уместно в эпоху глобализации говорить о трансмодернизме и трансавангардизме, чем о какой-то одной постмодернистской эстетике. Приставку *транс* по определению включает в себя – в отличие от исторического дадаизма – и *дада* как устремленность к “иному”, “другому”, чуждому наличным данностям состоянию» [2, с. 150].

Если создание теории дадаизма едва ли осуществимо, то разработка его микропоэтики – вполне посильное дело, чему и посвящена глава 4 монографии. Логично, что сразу вслед за теоретическими обобщениями идет разговор о манифестах дадаизма как об особом способе самораскрытия движения и метажанре. Далее представлен анализ поэтических опытов дадаизма, от шутливых автопортретов и пародий на классику (Х. Балль, Р. Хюльзенбек, Х. Арп) до стихов-коллажей и симультанных стихотворений (К. Швиттерс), звуковых и графических стихотворений (Р. Хаусман). Все перечисленные своеобразные жанровые формы В.Д. Седельник объединяет принципом случайности, внезапного и немотивированного соединения принципиально несоединимых элементов языка, реальной и ментальной действительности. Случай исполняет ту же стилеобразующую функцию и для прозы и драматургии дадаистов. Эти две части главы 4 чрезвычайно ценны редчайшим литературным материалом, редко становящимся объектом аналитического разбора, – это романы Х. Балля «Фламетти, или О дендизме бедных» и «Фантаст Тендеренда», новеллы Р. Хюльзенбека, «мерц-проза» и «мерц-театр» К. Швиттерса, пьеса «Китайский импера-

тор» Ж. Рибмон-Дессеня. Помимо построения поэтики дадаизма, В.Д. Седельник доказывает в этой главе, что дадаизм был полноценным *литературным* явлением, обновлявшим все без исключения роды словесного художественного выражения.

Глава 5, о которой уже было упомянуто, помимо «профиля» Х. Балля, содержит также краткие описания жизни и творчества Р. Хюльзенбека, Х. Арпа, Р. Хаусмана, В. Зернера, Ф. Пикабиа, В. Меринга, К. Швиттерса, Т. Тцара. Вслед за ними в приложении размещены манифесты, дневниковые записи, публицистические статьи, воспоминания этих же и некоторых других дадаистов, которые чрезвычайно удобно читать параллельно с профилями.

Вместо заключения В.Д. Седельник предлагает читателю поразмыслить над сложным переплетением временных отношений в феноменах литературы и искусства XX века («Дада вчера, сегодня и всегда»). Называя основные художественно-эстетические принципы дадаизма – независимость, протест, презентизм, автор напоминает о генеалогии движения, попутчиках и пусть и косвенных, но все же наследниках. Таким образом, тяготевшее к парадоксам явление само превратилось в парадокс – отрицая традицию, оно не упускало ее из виду и само заложило основы нового художественного канона. В судьбе дадаизма, кратковременного феномена начала XX века, отразилась крупнейшая закономерность развития культуры всего столетия.

Большое значение книги В.Д. Седельника можно оценить уже сейчас, спустя малое время после ее публикации. Кроме того, что монография открывает для читателя новый художественный мир, она, не упрощая, живым, ясным языком разъясняет всю его сложность, аргументированно доказывает те или иные тезисы. Эти важные качества являются отличительной чертой научных «бестселлеров». Отныне каждый, кто будет обращаться к проблематике литературы и искусства первой половины XX века, не сможет обойтись без монографии Владимира Денисовича Седельника «Дадаизм и дадаисты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сануйе, М. Дада в Париже / М. Сануйе; пер. с фр. – М.: Ладомир, 1999. – 638 с.
2. Седельник, В.Д. Дадаизм и дадаисты / В.Д. Седельник. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 552 с.
3. Балль, Х. Бегство из времени / Х. Балль; вступ. ст., сост., пер. и прим. В. Седельника // Вопросы литературы. – 2007. – № 4. – С. 263 – 309.

Д.А. КОНДАКОВ, кандидат филологических наук, доцент
(Полоцкий государственный университет)